

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА ИВАНЯН

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания филологического факультета

Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4782-0658; ivanyan@pgsga.ru

ЗАРУИ ГЕВОРКОВНА АЙРЯН

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник института литературы имени М. Абеяна

Национальная академия наук Республики Армения (Ереван, Республика Армения)

ORCID 0000-0002-7558-5889; nerses91@rambler.ru

ВАРИАТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

А н н о т а ц и я . Цель статьи – комплексный анализ механизмов и приемов вариативной интерпретации действительности в сказке О. Туманяна «Хозяин и работник» и ее вариантах (переводах на русский язык, на язык киноискусства). Задачи: выполнить анализ механизмов интерпретации в семиотическом, таксономическом, когнитивном, переводоведческом и экстралингвистическом аспектах. Актуальность исследования связана с методологией когнитивной теории вариативной интерпретации действительности и переводоведения. Методы исследования: сопоставительный, интроспекции; эмпирический материал собран методом сплошной выборки. Дана авторская разработка комплексного подхода к анализу механизмов альтернативной интерпретации действительности. Выполнен обзор теории вариативной интерпретации. Отмечена важность изучения данной теории в аспекте переводоведческих сопоставлений вариантов художественного текста. В семиотическом аспекте определено, что данные механизмы на уровне «персонаж – персонаж» выполняют в сказке сюжетобразующую функцию; переводоведческом – механизмы исследованы как реализующие стратегии переводчика; таксономическом – охарактеризован лексический уровень бытования механизмов альтернативной интерпретации; когнитивном – выявлен такой сбой в процессе восприятия, как эффект фокусировки. Особое внимание уделяется экстралингвистическому аспекту, в котором определены особенности переводов послереволюционного времени. Экстралингвистический и поновому интерпретированный когнитивный аспекты определяют новизну исследования. Разработка комплексного подхода изучения механизмов альтернативной интерпретации действительности будет результативна для исследований значимых художественных текстов, имеющих варианты в виде переводов и экранизаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а : механизмы вариативной интерпретации действительности, стратегии переводчиков, экстралингвистический аспект, таксономический аспект, когнитивный аспект, прием переобозначения объектов Благодарности. Авторы благодарят директора Дома-музея Ованеса Туманяна (г. Ереван, Республика Армения) А. Егиазарян за предоставленную информацию о творчестве писателя.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванян Е. П., Айрян З. Г. Вариативная интерпретация действительности в литературной сказке: комплексный подход // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 7. С. 85–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.821

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении веков лингвисты отмечают, что человеческий язык способен влиять на восприятие действительности посредством ее вариативной интерпретации: стакан наполовину полон или пуст. Таковы работы Фр. Бэкона 1620 года [6], Дж. Локка 1690 года [20], программная

идея Д. Болинджера первой половины XX века [5] и т. п. В XX веке, особенно в последней его четверти, российские и зарубежные исследователи пишут о программировании восприятия посредством альтернативных интерпретаций действительности [4], [18], [24] и др. В настоящее время теория вариативной интерпретации

действительности (ВИД) активно развивается [8] и др. Исследователи описали языковые механизмы ВИД в рамках теории воздействия на сознание, выявили преобразования в описании положения дел, влияющие на образ этого положения дел [3], [19], [26] и др. Продолжением развития теории ВИД стали работы в области переводоведения [23], изучения деформации пословиц [29], поговорок и в «интерпретативном» дискурсе, содержащем речевые тактики «называния всего своими именами» [17: 170], в риторике [16], рекламе¹ и др.

Нашим эмпирическим материалом для изучения механизмов ВИД в литературной сказке послужили переводы сказки О. Туманяна «Хозяин и работник» на русский язык, осуществленные А. Баяндур², Г. Кубатьяном³ и Я. Хачатрянцем⁴, а также кинофильм «Хозяин и слуга» студии «Арменфильм» (сценарий Е. Манаряна)⁵. Методология исследования: когнитивная теория ВИД, включающая понимание умолчания как предельный случай аннулирующего преобразования [19], ср. [10]; требования к качественному переводу, сформулированные Л. С. Бархударовым:

«...перевод – это нечто гораздо большее, чем наука. Это также и умение, а вполне качественный перевод, в конечном счете, всегда является и искусством»⁶.

В учет брался перечень требований к переводу, разработанный В. Н. Комиссаровым [15: 33]. Принимались во внимание различные подходы к переводу: литературоведческий, лингвистический, коммуникативно-функциональная теория переводоведения художественных текстов [1], [9], [23]. Значимыми для исследования явились традиция сопоставления переводов художественных текстов [11], [12] и учет особенностей народного армянского юмора [13], [14].

Предложенный нами комплексный подход к изучению литературной сказки, ставшей прецедентным феноменом, который ориентирован на теорию ВИД, а также содержательное наполнение разделов комплексного подхода составляют новизну работы. Обращение к теории ВИД под новым углом зрения в аспекте изучения художественного текста, входящего в классику армянской литературы, свидетельствует об актуальности предпринятого исследования.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Сказка «Хозяин и работник» принадлежит перу классика армянской литературы Ованеса Туманяна, жившего в конце XIX – первой четверти XX века, которого называли «поэтом всех армян» [25]. Отметим, что эта литературная сказка написана на фольклорном материале, сходный сюжет представлен в устном на-

родном творчестве народов Севера (ненецкая сказка). Сюжет сказки стал восприниматься как прецедент, как руководство к действию: не нужно пессимистично воспринимать мир, взгляни на мир с оптимизмом, и ситуация изменится в лучшую сторону. Сказка написана в 1908 году. В 1962 году экранизирована киностудией «Арменфильм», многократно воспроизводилась на экранах СССР и Армении. Хозяин нанимает работника «до первого кукования» кукушки за тысячу рублей с условием, что если хозяин рассердится, то деньги работнику не будут выплачены, и он будет работать бесплатно еще десять лет; если рассердится работник, то хозяин выплатит ему тысячу рублей. Хозяин придумывает все новые виды работ и новые уловки по договору, бедняк работает до глубокой ночи. В результате он не выдерживает и в ужасе сбегает, становясь должником. Теперь его младший брат нанимается к хозяину, договариваются об оплате в две тысячи рублей с условием, что если хозяин рассердится, то деньги не будут выплачены, и работник будет работать бесплатно двадцать лет. Младший брат не усердствует в работе, а когда хозяин возмущается его бездельем, сразу спрашивает: «Ты сердишься?» Боясь потерять деньги, хозяин отказывается называть это гневом. Теперь страдает хозяин. Работник плохо работает, занимается вредительством, при этом пользуется словесными уловками так, что выходит, будто это сам хозяин распорядился. Хозяин приводит младшего брата в лес послушать, как кукует кукушка (на дереве сидит и кукует жена хозяина). Работник делает вид, что не видит жену, и пытается подстрелить птицу. Хозяин в гневе признается, что гневается, и отдает две тысячи рублей. Так младший брат освобождает старшего от долга и без труда зарабатывает тысячу рублей.

Предлагаем комплексный подход к анализу механизмов ВИД в художественном произведении, сочетающий разные аспекты исследования: семиотический, таксономический, когнитивный, переводоведческий и экстралингвистический.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На уровне «персонаж – персонаж» в сказке представлена имитация естественно-языковой коммуникации. Согласно миметическому характеру художественного творчества, разговорные практики персонажей квалифицируются адресатом речи (читателем / зрителем) как происходящие в реальном мире [27]. Выполненный с учетом семиотических предпосылок анализ механизмов ВИД показал, что на уровне «персонаж – персонаж» в качестве средств воздействия на сознание адресата представлены следующие

преобразования «нейтрального описания» положения дел: 1) аннулирующее, 2) индефинитизирующее; 3) фингирующее и 4) модальное. Согласно исследованию [19], аннулирующее преобразование приводит к исключению из описания некоторой части положения дел; в результате индефинитизирующего преобразования из-за замены конкретных предметов и участников более обобщенными описаниями увеличивается неопределенность в интерпретации ситуации.

В анализируемой сказке представлено взаимодействие двух видов преобразования – аннулирующего и индефинитизирующего в следующих примерах. Хозяин, договариваясь с работником, прибегает к аннулирующему преобразованию, из договора исключается конкретное время его окончания: «пока кукушка не закукует»; часы работы: «жни, пока светло, а как стемнеет, вернешься» (175)⁷. Данное преобразование правомерно толковать и как индефинитизирующее: эти условия можно определить как переданные более обобщенными описаниями, увеличивающими неопределенность в интерпретации. Эти преобразования основаны на подмене номинаций конкретного дня календаря и конкретного часа времени суток обращением к сенсорному опыту человека, что изначально сулит в дальнейшем возможности различных интерпретаций такого опыта. Так, известно, что кукушка ведет скрытный образ жизни, днем прячется в глухих местах леса, летает по ночам; участник договора может долго ее не услышать. Ср. с примером индефинитизирующего преобразования в договоре, учитывающем условие получения денег: «коли до этого времени ты рассердишься, ты мне дашь тысячу рублей, я рассержусь – я тебе дам» (175). Условие базируется не на характеристике результатов работы и ее объективной оценке, а вновь обращается к опыту человека, на этот раз – эмоциональному.

Исследователи отмечают, что индефинитизирующее преобразование в практике естественно-языковой коммуникации нередко осуществляется при поддержке фингирующего преобразования, вводящего в описание ситуации некоторые не содержащиеся изначально факты [19]. Когда работник возвращается с поля затемно, хозяин возражает: «Солнце-то закатилось, зато его брат выглянул, месяц» (175), хотя работа при месяце как заменителе солнца словесно не оговаривалась, но демагогически навязывается коммуникантом. Модальное преобразование осуществляется через введение идеи гипотетичности, оценки, рефлексии, напр.: «А ты *вроде бы* сердисься» (177); «Ты *сердишься, что ли?*» (176); «Нам надо немного вздремнуть. Так *или не так?*» (177); «Ты *часом не сердисься?*»

(177). Идея гипотетичности передается отрицательными и вопросительными конструкциями, сочетанием частиц *вроде* и *бы*. В целом многообразие преобразований нейтрального описания положения дел в сказке обусловлено тем, что они включены в развитие сюжета; механизмы ВИД в данном произведении выполняют сюжетообразующую функцию.

Активным приемом речевого воздействия является «навязывание» в пресуппозициях, см. пример, где хозяин побуждает работника работать ночью, при свете месяца: (О месяце) «*Чем он хуже светит?*» (175). Благодаря этому приему адресату речи внушается: при свете месяца тоже светло, а значит, нужно продолжить работу в поле.

В следующем примере представлена манипуляция замены ассертивной части и пресуппозиции с позиции адресата речи. Работнику (младшему брату) велют: «*зарезь овцу. – Которую? – Которая попадется*» (177). Работник зарезал все стадо, мотивируя, что «*мне все попались, я всех и зарезал*» (177). Устойчивое сочетание (об объекте речи) *который первый попадется (на глаза)* имеет значение 'любой из объектов'. Особенность естественно-языковой коммуникации, имитируемой в литературной сказке, состоит в том, что здесь представлено ненамеренное аннулирующее преобразование нейтрально описываемой ситуации. В «нейтральном описании» с наибольшей полнотой представлены все участники и все компоненты ситуации [19]. Применительно к анализируемой ситуации нейтральный ответ таков: Любую или: Первую из тех, что попадет на глаза. Поскольку в примере аннулирована ассертивная часть высказывания (говорящий руководствуется максимой способа изложения «будь краток»), адресат речи вправе рассматривать «оставшуюся» часть как достаточную для коммуникации, поскольку в устной разговорной речи активно представлена тенденция к экономии языковых средств. Адресат с целью воздействия на сознание осуществляет замену в частях пресуппозиции и ассерции, игнорируя имплицатуры дискурса. Теперь по воле адресата коммуникации ассерцией высказывания принимается не компонент *любую*, а компонент, входивший в пресуппозицию, – *попадется*. Образный характер устойчивого сочетания, раздельнооформленность его компонентов обуславливают семантическое окказиональное преобразование на основе актуализации словного признака лексики *попасться* (ср. [28: 61]).

ТАКСОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Таксономический аспект предполагает характеристику значимого варьирования с уче-

том уровней языка. В сказке ВИД представлена на уровне лексики за счет аксиологических окказиональных синонимов в «интерпретативном» дискурсе. Речевые ситуации, выводящие высказывание на «метауровень», В. В. Лабутина условно относит к «интерпретативному» дискурсу, а номинации, по-разному оцениваемые с позиции механизмов ВИД, предлагает называть антосинонимами [17]. Полагаем, что подобные номинации вернее считать контекстуальными аксиологическими синонимами (разделяем точку зрения на такие обозначения проф. М. А. Кулинич, В. М. Савицкого). Так, в литературной сказке хозяину важно назвать свое поведение не гневом, а сожалением или жалостью (контекстуальные аксиологические синонимы: *сердиться* – *жалеть*).

Согласно договору, провоцирующий вопрос *Ты сердишься?* грозит участнику «трудового договора» окончанием и проигрышем, то есть необходимостью заплатить. В ответ на эти реплики старший брат, а в других ситуациях – хозяин отвечают сначала пропозициональным способом искажения истины (*Нет, не сержусь*), квалифицируют свою речь как констатацию, лишённую эмоции гнева: *Нет, просто говорю*. Но затем хозяин применяет окказиональный аксиологический синоним, когда работник (хитроумный младший брат) перерезал все стадо овец, хозяин говорит: «*Просто жалко стало: столько добра ни за что пропало...*» (177).

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Данный аспект исследует речевое воздействие, взаимосвязанное с процессом познания, сбоем в процессе восприятия. На уровне «персонаж – персонаж» в имитации естественно-языковой коммуникации в анализируемой сказке можно говорить об эффекте инертности восприятия, сбое в процессе функционирования когнитивной системы старшего брата (первого работника). Работник сосредоточился на ситуации не сердить хозяина, упуская вторую часть договора (хозяин тоже не может рассердить работника так, чтобы не проиграть), что в когнитивном аспекте именуется как эффект фокусировки: сосредоточенность на деталях в ущерб общей картине ситуации; при этом неверные суждения о ситуации (в данном случае – договора) порождают негативные последствия.

ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Творчество О. Туманяна, согласно сведениям директора Дома-музея Ованеса Туманяна в Ереване А. Егиазарян, переведено более чем на 50 языков мира⁸. На русский язык сказку «Хозяин и работник» переводили Я. Хачатрянц,

А. Тадеосян, А. Баяндур, Р. Каффриелянц, Г. Кубатьян – переводы перечислены в хронологическом порядке, ср.: [7: 55]. Г. Г. Молчанова, исследуя специфику перевода художественного текста с учетом выявления механизмов ВИД, отмечает особую значимость социокультурных факторов [23: 9]. Поскольку «перевод может лишь бесконечно сближаться с подлинником»⁹ и «художественному переводу присущ феномен множественности» [21: 46], полагаем, что переводоведческий аспект изучения ВИД в литературном произведении может дать нетривиальные результаты, выявляя стратегию переводчика, его интенции при создании перевода.

Переводчик – это проводник читателя в иную лингвокультуру. Передавая семантику исходного текста, переводчик может решать задачу сохранения лингвокультурной специфики оригинала либо, напротив, задачу устранения элементов этой специфики, по какой-то причине мешающих трансляции текста в иную культурную среду. Для переводоведческого аспекта исследования мы обратились к переводам А. Баяндур, Г. Кубатьяна, Я. Хачатрянца. В исходном тексте литературной сказки были представлены такие культурно маркированные языковые единицы, как 1) название армянской денежной единицы *փիլիք*; 2) междометие *вай* в значении возражения, несогласия; 3) непереводимый фразеологизм *սրբ լիւս*, который произносят в ситуациях сообщения радостной вести; 4) *լրկփիլիք* – специфическое название обуви простолюдинов из грубой кожи.

Как же поступили переводчики с безэквивалентной лексикой? В переводах сказки на русский язык представлены оба вида решения переводоведческих задач. Что касается названия денег, то во всех переводах дана замена на номинацию *рубли*. Специфическое междометие *вай* в переводах А. Баяндур и Г. Кубатьяна подвержено элиминированию, то есть осуществлено аннулирующее преобразование исходного текста. В переводе Я. Хачатрянца сохранено два примера национально-маркированного междометия *вай* (*վայ*) из четырех примеров исходного текста: в менее драматичных эпизодах междометие дважды элиминировано (аннулирующее преобразование). Что касается фразеологизма *սրբ լիւս* (дословный перевод: свет глазу твоему!), не имеющего аналога в русском языке, то во всех переводах дано только его значение: *Радуйся! Подражай!*

Безэквивалентная лексика, представленная номинацией *լրկփիլիք* в значении «грубая обувь», поставила перед переводчиками интересную лингвистическую задачу. Я. Хачатрянц (1945 год) применяет аннулирующее преобразование, со-

общая, что младший *начинает обуваться*, при этом элиминирует название обуви. А. Баяндур (1969 год), стремясь сохранить специфику национального текста, обращается к такому приему ВИД, как подмена-переобозначение объекта, вводя в текст экзотизм *постолы*. Это слово со значением 'сандалии из сыромятной обуви' не имеет отношения ни к армянской, ни к русской лингвокультурам, следовательно, экзотизм неоправданно усложняет текст перевода. Г. Кубатьян (1988 год) пишет, что работник натягивает *обувку*, применяя слово с широкой семантикой и отступая от буквальной передачи информации. С процедурной точки зрения на механизм ВИД можно отметить, что Я. Хачатрянц и Г. Кубатьян при переводе безэквивалентной лексики в данном примере применили такой механизм воздействия на сознание, как варьирование степени детальности описания ситуации.

Сравнительный метод переводов (вариантов исходного текста) в аспекте выявления механизмов ВИД позволяет отслеживать стратегии и интенции того или иного переводчика. Так, в переводе Г. Кубатьяна просматривается ведущая интенция упрощения, простой и почти дословной подачи исходного текста. Напротив, ведущей интенцией перевода А. Баяндур является совершенствование языковой формы для наилучшей репрезентации смысла, иногда и с отступлением от исходного текста.

Сопоставим два перевода одного эпизода. В подлиннике и переводе Г. Кубатьяна о договоре сказано: «...срок определяют до поры, покамест кукушка не закукует» (174). А. Баяндур о договоре пишет: «...работать до весны, до первого кукушкиного крика» (159). В данном переводе представлено фингирующее преобразование, добавляется деталь *первый кукушкин крик*, которая отсутствует у О. Туманяна, но способствует лучшей подаче содержания. Стремясь усилить прагматический эффект в имитации естественно-языковой коммуникации, А. Баяндур при переводе сказки применяет риторический прием «да, но...», см.: «Солнце-то, *верно*, зашло, *но* гляди: его братец-месяц на небе, чем он хуже светит?» (160). В примере представлено модальное преобразование (введен вводно-модальный компонент *верно*) и фингирующее преобразование, выраженное приемом «да, но...». Эти средства воздействия отсутствуют в исходном тексте, но усиливают содержание при переводе на русский язык. Можно заключить, что А. Баяндур в переводе стремится передать не букву, но дух исходного текста литературной сказки. В целом заключаем, что в переводах сказки на русский язык представлены обе переводоведческие стра-

тегии, сформированные еще в античные времена и противопоставляемые как переводы «слово в слово» (*verbumdeverbo*) и «смысл в смысл» (*sensumdesensu*). Из вышерассмотренных переводов можно заключить, что переводчикам удалось глубоко проникнуться авторской эстетикой Туманяна и в новом языковом бытии представить ее художественную суть.

Отметим, что армянские переводчики, в отличие от русских, которым приходилось переводить армянские тексты по подстрочникам [2], владели русским языком на высоком уровне, что и позволило им с максимальной близостью воспроизвести и смысл, и стиль подлинника. В переводах А. Баяндур, Г. Кубатьяна, Я. Хачатрянца отражено национальное своеобразие подлинника, они созвучны подлиннику и своей ярко-интонационной окраской. Комплексный анализ показал, что армянские переводчики создали такие варианты подлинника, которые в функциональном, смысловом и структурном отношении выступают в качестве полноправной замены, являясь умелым проводником в иную лингвокультуру, что свидетельствует о решении переводоведческих задач на высоком уровне.

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данный аспект учитывает фактор влияния общества на язык; фокус внимания сосредоточен на идейном (идеологическом) воздействии на языковое сознание механизмами ВИД. Л. В. Щерба считал важным показ «тех лингвистических средств, посредством которых выражается <...> идейное содержание» [30: 97]. Сопоставляя исходный текст с его вариантами – переводами на русский язык и поликодовым образованием – кинофильмом (автор сценария – Е. Манарян), наблюдаем, что послереволюционные переводы литературной сказки подверглись механизмам ВИД на идеологических основаниях. Так, в переводах на русский язык обнаружена табуизация языковых единиц религиозной (христианской) семантики; в сильных текстовых позициях вариантов литературной сказки обнаружен прием переобозначения объектов. Интерес представляет динамика употребления религиозных номинаций в оригинале и переводах с учетом экстралингвистических факторов XX века: послереволюционный период – это время запрета на религию и номинации религиозной семантики.

Итак, в оригинале сказки О. Туманяна (1908) представлены три единицы христианской семантики. Это традиционный зачин сказки: *Մարգարէի փառքով իմ քով եմ, երկու փառքով եմ*; номинация *մարգարէ* в значении 'безбожник; бога на тебя нет!' и устойчивое сочетание *մարգարէ փառքով* в значении мольбы, 'ради бога!'

В издании 1945 года переводчика Я. Хачатрянца все номинации с данной семантикой элиминированы (аннулирующее преобразование). В издании 1969 года переводчика А. Баяндур представлены уже две языковые единицы с религиозной семантикой. Сохранен традиционный зачин: «*Да будет бог милостив и к вам и к двум братьям, о которых сказ пойдет*» (159) и применено устойчивое сочетание: «– *Бога ради, – кричит, – не убивай*» (161). В издании 1988 года, периода перестройки, переводчик Г. Кубатьян «наверстывает упущенное» другими переводчиками в отношении номинаций религиозной семантики; здесь представлены семь языковых единиц. Зачин: «*Дай бог удачи и вам, и двум братьям!*» (174). Междометное употребление фразеологизма *бог с тобой* в значении возражения (четыре примера; этого нет в подлиннике, значит, представлено фингирующее преобразование); «*Бога над тобой нет!*» (177), дан описательный вариант лексемы *безбожник*; употребление устойчивого сочетания: «*не стреляй ради бога!*» (178).

Иронию динамики языковых единиц христианской семантики можно увидеть в числах: в оригинале сказки таких номинаций **3**; в переводах Я. Хачатрянца и А. Баяндур в сумме элиминировано: $(-3) + (-1) = -4$ языковые единицы; в переводе Г. Кубатьяна помимо языковых единиц, соотносимых с оригиналом (**3**), добавлено **4** единицы (**+4**); восстановлена «числовая справедливость» единиц, изъятых из предшествующих переводов.

В сильных текстовых позициях сказки и ее вариантов выявлен прием переобозначения объекта, осуществленный с целью идеологического воздействия на сознание. В подлиннике название сказки дословно переводится как «Хозяин и слуга». В связи с послереволюционными переименованиями, связанными с изменениями в общественной жизни и идеологии, номинация *слуга* стала восприниматься как имеющая негативную мотивировку и была заменена лексемой с нейтральной окраской *работник*. Отметим: во всех переводах сказки на русский язык значится название «Хозяин и работник».

Между тем экранизация называется «Хозяин и слуга» (1962). Но и здесь все не так просто с сильными текстовыми позициями. Уже в первых кадрах кинофильма даны титры: «Сценарий Е. Манаряна по одноименному рассказу О. Туманяна». С одной стороны, в кинофильме возвращено оригинальное название («Хозяин и слуга»), с другой стороны, прием переобозначения объекта по идеологическим основаниям перешел на жанр: номинация *сказка* как нередко вызывающая критику ревнителей советского воспитания детей [22] заменена на более

идеологически «безупречную» – *рассказ*. Можно предположить взаимообусловленность этих двух переобозначений в сильных текстовых позициях на том основании, что поодиночке в отношении репрезентации оригинального текста они не представлены¹⁰: допуская «послабление» в одной идеологически спорной номинации (*слуга*), создатели фильма восстанавливают идеологическое влияние в другой (не *сказка*, а *рассказ*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный подход при изучении механизмов ВИД в сказке О. Туманяна позволил создать многомерную картину особенностей этих механизмов в пяти аспектах. Выявлено, что в семиотическом аспекте на уровне коммуникации «персонаж – персонаж» активен прием «навязывания» в пресуппозициях. «Нейтральное описание» положения дел подвергается преобразованиям аннулирующего, индефинитизирующего, фингирующего и модального характера, речевые уловки вплетены в сюжет сказки и способствуют его динамическому развитию. При таксономическом аспекте исследования обнаружено, что вариативная интерпретация в сказке на уровне лексики представлена посредством аксиологических окказиональных синонимов, выступающих в контексте в функции антонимов. Посредством данного речевого феномена персонажи осуществляют речевое манипулирование, стремясь реализовать задуманное в своих интересах. Когнитивный аспект исследования позволил проанализировать сказку с позиции «автор – читатель», и здесь очевиден сбой в процессе восприятия у одного из персонажей. Персонаж «старший брат» сосредоточен на детали, не видя всю картину в целом (эффект фокусировки, инертности восприятия). Сказка на уровне «автор – читатель», таким образом, выполняет воспитывающую функцию, учит, что если не поддаваться обстоятельствам, то под силу переиграть любую сложную ситуацию. Переводоведческий аспект выявил противоположные стратегии переводчиков сказки на русский язык: сохранение культурно маркированных элементов (ведущая интенция такой стратегии – совершенствование языковой формы) или их устранение (ведущая интенция – упрощение).

Среди аспектов изучения вариативной интерпретации впервые осуществлен экстралингвистический, учитывающий идейно-идеологическое воздействие на языковое сознание посредством механизмов ВИД. Анализ сказки под данным углом зрения показал устранение слов и выражений христианской тематики в переводах советского периода, наращение

подобных языковых единиц в послесоветский период. При экстралингвистическом аспекте анализа обнаружено переобозначение объектов переводчиками, вызванное идеологическим воздействием.

В целом комплексный характер изучения механизмов ВИД обещает нетривиальные результаты при обращении к значимым художественным текстам, имеющим варианты в виде переводов и экранизаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гусева Е. В. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности во французских и русских рекламных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 22 с.
- ² Туманян О. Избранные произведения: В 3 т. / Предисл. С. Зорьяна; Примеч. Л. О. Ахвердян. Т. 2: Рассказы. Сказки. Письма. Ереван: Айастан, 1969. 360 с.
- ³ Туманян О. Хозяин и работник / Пер. Г. Кубатьяна // Сказки армянских писателей: Сборник. Ереван: Советакан грох, 1988. С. 174–178.
- ⁴ Туманян О. Хозяин и работник / Пер. Я. Хачатрянца // Туманян О. Избранное: М.; Л.: Гос. изд-во дет. лит. Наркомпроса РСФСР, 1945. С. 92–98.
- ⁵ Манарян Е. Сценарий кинофильма «Хозяин и слуга» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/169955/> (дата обращения 12.03.2022).
- ⁶ Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории переводов): Учебник. М.: Международные отношения, 1975. С. 8.
- ⁷ Здесь и далее, если это специально не оговаривается, цитаты из сказки приводятся в переводе Г. Кубатьяна как наиболее позднем по времени создания с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁸ Сказка «Барекендан» Ованеса Туманяна переведена на хинди // Арменпресс. 2017. 26.06 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://armenpress.am/rus/news/896328/tumanyani-barekendan-y-targmanvel-e-hndkeren-tragrutyan.html> (дата обращения 12.03.2022).
- ⁹ Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы): Учеб. пособие. М.: Изд-во ин-та общего и среднего образования РАО, 2001. С. 24.
- ¹⁰ Отметим, что в XXI веке переводчики возвращают сказке номинацию «слуга». Посол мира индианка Сантош Кумари Арора перевела эту сказку на хинди как «Господин и слуга».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айрян З. Искусство поэтического перевода в творчестве русских поэтов II пол. XX – нач. XXI века (на примере армянской поэзии). Ереван: GSMSTUDIO, 2012. 300 с.
2. Айрян З. Г. Языковые и стилистические особенности поэзии Ованеса Туманяна в переводах А. Тарковского и Б. Ахмадулиной // Поволжский педагогический вестник. 2020. Т. 8, № 1 (26). С. 67–77.
3. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой информации. М.: ИНИОН, 1986. С. 100–143.
4. Блэккар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия: Сб. ст. М.: Прогресс, 1987. С. 131–169.
5. Боллинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 23–43.
6. Бэкон Фр. Новый органон // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 5–482.
7. Гончар Н. А. О сказках Ов. Туманяна в контексте проблем перевода // Вестник Ереванского государственного университета. 2009. № 2 (128). С. 49–64.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS, 2022. 308 с.
9. Жумабекова А. К. Лингвокультурологические особенности прямого и косвенного перевода рассказа Ауэзова «Красавица в трауре» на русский и английский языки // Язык и культура. 2019. № 7. С. 21–35.
10. Иванян Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке. 2-е изд. М.: Флинта, 2015. 328 с.
11. Иванян Е. П. Повесть М. Булгакова «Собачье сердце» в парадигме приемов русской художественной литературы: лингвопоэтический аспект // Русистика без границ. 2020. Т. 4, № 1. С. 64–73.
12. Иванян Е. П., Айрян З. Г. Стихотворение Г. Алишана «Раздан»: поливариантность смыслов, интерпретаций, переводов // Научный диалог. 2020. № 12. С. 133–150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-133-150
13. Иванян Е. П. Анекдоты армянского радио: тематические группы с этническим субстратом, способы реализации национального субстрата // Русистика без границ. 2021. Т. 5, № 3. С. 45–53.
14. Иванян Е. П. Онтология этнического субстрата в анекдотах армянского радио: генезис и структурно-семантическая организация // Русистика без границ. 2021. Т. 5, № 2. С. 47–54.
15. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. Очерк лингвистического учения о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 216 с.
16. Кричун Ю. А. Лингвориторические механизмы вариативной интерпретации действительности // Культурная жизнь юга России. 2009. № 4 (33). С. 104–107.
17. Лабутина В. В. «Антосинонимия» как средство вариативной интерпретации действительности // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 3 (69). С. 168–173.
18. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 126–172.

19. Левин Ю. М. О семиотике искажения истины // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Наука, 1998. С. 594–605.
20. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
21. Маругина Н. И. Когнитивный аспект перевода (на материале повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на английский язык) // Язык и культура. 2008. № 4. С. 42–52.
22. Маслинская С. Г. Неутомимый борец со сказкой (критика детской литературы в трудах Н. Крупской) // Историко-педагогический журнал. 2017. № 1. С. 172–186.
23. Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9–21.
24. Николаева Т. М. «Лингвистическая демагогия» – мощное средство убеждения коммуниканта // От звука к тексту. М., 2000. С. 155–161.
25. Ованесян С. Жизнь О. Туманяна. Ереван: Гитутюн, 2019. 864 с.
26. Паршин П. Б., Сергеев В. М. Об одном подходе к описанию средств изменения моделей мира // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1984. Вып. 688. С. 127–143.
27. Плотникова С. Н. Человек и персонаж: Феноменологический подход к естественной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 89–104.
28. Рыжкина Е. В. Усиление многозначности фразеологических единиц как тенденция развития английской фразеологии на современном этапе // Тенденции развития английского лексикона: вариативность и многозначность единиц языка. М.: Рема, 2008. С. 58–74. (Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 544. Сер. Лингвистика).
29. Тарбеева О. В. Деформация пословиц как реализация когнитивного принципа вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 4. С. 86–90.
30. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений: «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 97–109.

Поступила в редакцию 14.04.2022; принята к публикации 25.07.2022

Original article

Elena P. Ivanyan, Dr. Sc. (Philology), Professor, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-4782-0658; ivanyan@pgsga.ru
Zarui G. Ayryan, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)
 ORCID 0000-0002-7558-5889; nerses91@rambler.ru

VARIABLE INTERPRETATION OF REALITY IN A LITERARY FAIRY TALE: AN INTEGRATED APPROACH TO RESEARCH

Abstract. The purpose of the article is to implement a comprehensive approach to the analysis of mechanisms and techniques of variable interpretation of reality in Hovhannes Tumanyan's fairy tale "The Master and the Worker" and its variants (namely its translations into Russian and into the language of cinema). The tasks are to analyze the mechanisms of interpretation from the semiotic, taxonomic, cognitive, translation, and extralinguistic perspectives. Well-developed methodologies of the cognitive theory of variable interpretation of reality and translation studies indicate the relevance of the conducted research. The research methods included comparison and introspection; the empirical material was collected by continuous sampling. The authors developed an integrated approach to the analysis of the mechanisms of the alternative interpretation of reality. The paper also reviews the theory of variable interpretation, emphasizing the importance of studying this theory in the context of translational comparisons of literary text variants. From the semiotic perspective, it is determined that at the "character-character" level these mechanisms perform a plot-forming function in a fairy tale. From the translational perspective, the mechanisms are investigated as those implementing the translator's strategies. Taxonomically, the paper characterizes the lexical level of the existence of alternative interpretation mechanisms, while cognitively it reveals such perception bias as the focusing effect. Special attention is paid to the extralinguistic aspect of determining the features of post-revolutionary translations. The novelty of the research is in the implementation of the extralinguistic aspect and the newly interpreted cognitive aspect. The development of an integrated approach to studying the mechanisms of alternative interpretation of reality will be useful for the research on significant literary texts with various translations and film adaptations.

Keywords: mechanisms of variable interpretation of reality, translators' strategies, extralinguistic aspect, taxonomic aspect, cognitive aspect, object redesignation

Acknowledgements. The authors express their gratitude to A. Yeghiazaryan, the Director of the Hovhannes Tumanyan House-Museum in Yerevan (Republic of Armenia), for providing information on Tumanyan's works.

For citation: Ivanyan, E. P., Ayryan, Z. G. Variable interpretation of reality in a literary fairy tale: an integrated approach to research. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(7):85–93. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.821

REFERENCES

1. Ayryan, Z. The art of poetic translation in the works of Russian poets during the second half of the XX and the early XXI centuries (Armenian poetry). Yerevan, 2012. 300 p. (In Russ.)
2. Ayryan, Z. G. Language means and stylistic features of Hovhannes Tumanyan's poetry in A. Tarkovsky's and B. Akhmadulina's translations. *Vestnik of Samara State University of Social Sciences and Education*. 2020;8(1(26)):67–77. (In Russ.)
3. Baranov, A. N., Parshin, P. B. Linguistic mechanisms of variable interpretation of reality as a means of influencing consciousness. *The role of language in mass media*. Moscow, 1986. P. 100–143. (In Russ.)
4. Blakar, R. M. Language as an instrument of social power. *Language and social interaction modeling: Collection of research papers*. Moscow, 1987. P. 131–169. (In Russ.)
5. Bolinger, D. Truth is a linguistic question. *Language and social interaction modeling*. Moscow, 1987. P. 23–43. (In Russ.)
6. Bacon, F. The new organon. *Works: In 2 vols*. Vol. 2. Moscow, 1978. P. 5–482. (In Russ.)
7. Gonchar, N. A. Hovhannes Tumanyan's fairy tales in the context of translation issues. *Bulletin of Yerevan State University*. 2009;2(128):49–64. (In Russ.)
8. Issers, O. S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow, 2022. 308 p. (In Russ.)
9. Zhumabekova, A. K. Linguoculturological features of direct and indirect translation into Russian and English languages of the story "Beauty in Mourning" by M. Auezov. *Language and culture*. 2019;7:21–35. (In Russ.)
10. Ivanyan, E. P. Semantics of non-disclosure and the means of its expression in the Russian language. Moscow, 2015. 328 p. (In Russ.)
11. Ivanyan, E. P. The story of M. Bulgakov "The Heart of a Dog" in the paradigm of methods of Russian fiction: linguopoetic aspect. *Russian Studies Without Borders*. 2020;4(1):64–73. (In Russ.)
12. Ivanyan, E. P., Ayryan, Z. G. Alishan's poem "Hrazdan": polyvariety of meanings, interpretations, translations. *Nauchnyi Dialog*. 2020;12:133–150. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-133-150 (In Russ.)
13. Ivanyan, E. P. Ontology of ethnic substratum in the anecdotes of the Armenian radio: thematic groups and ways to implement the ethnic substratum. *Russian Studies Without Borders*. 2021;5(3):45–53. (In Russ.)
14. Ivanyan, E. P. Ontology of ethnic substratum in the anecdotes of the Armenian radio: genesis and structural-semantic organization. *Russian Studies Without Borders*. 2021;5(2):47–54. (In Russ.)
15. Komissarov, V. N. A word on translation. An essay on the linguistic theory of translation. Moscow, 1973. 216 p. (In Russ.)
16. Krichun, Yu. A. Linguarhetorical mechanisms of variational interpretation of reality. *Cultural Studies of Russian South*. 2009;4(33):104–107. (In Russ.)
17. Labutina, V. V. "Antosynonymy" as a means of various interpretation of reality. *Vestnik of Samara State University*. 2009;3(69):168–173. (In Russ.)
18. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. *Language and social interaction modeling*. Moscow, 1987. P. 126–172. (In Russ.)
19. Levin, Yu. M. On the semiotics of truth distortion. *Levin, Yu. I. Selected works. Poetics. Semiotics*. Moscow, 1998. P. 594–605. (In Russ.)
20. Locke, J. An essay concerning human understanding. *Locke, J. Works: In 3 vols*. Vol. 1. Moscow, 1985. 621 p. (In Russ.)
21. Marugina, N. I. The cognitive aspect of metaphor translation (on the basis of the story by M. Bulgakov "The Heart of a Dog" and its translations into English). *Language and Culture*. 2008;4:42–52. (In Russ.)
22. Maslinskaya, S. G. A tireless fighter against fairy-tale (criticism of children's literature in writings by N. Krupskaya). *Historical and Pedagogical Journal*. 2017;1:172–186. (In Russ.)
23. Molchanova, G. G. Communicative-functional theory of translation as a type of variative interpretation of reality. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 2015;3:9–21. (In Russ.)
24. Nikolaeva, T. M. "Linguistic demagogy" – a powerful means of persuading a communicant. *From sound to text*. Moscow, 2000. P. 155–161. (In Russ.)
25. Hovhannisyan, S. The life of H. Tumanyan. Yerevan, 2019. 864 p. (In Russ.)
26. Parshin, P. B., Sergeev, V. M. One approach to describing the means for changing the models of the world. *Proceedings of the University of Tartu*. Tartu, 1984. Issue 688. P. 127–143. (In Russ.)
27. Plotnikova, S. N. Man and character: Phenomenological approach to natural and artistic communication. *Man in communication: concept, genre, discourse*. Volgograd, 2006. P. 89–104. (In Russ.)
28. Ryzhkina, E. V. Strengthening the ambiguity of phraseological units as a trend in the development of English phraseology at the present stage. *Trends in the development of the English lexicon: variability and ambiguity of language units*. Moscow, 2008. P. 58–74. (Vestnik of Moscow State Linguistic University. Issue 544. Series Linguistics). (In Russ.)
29. Tarbeeva, O. V. Deformation of proverbs as the realization of the cognitive principle of variable interpretation of reality. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 2008;4:86–90. (In Russ.)
30. Shcherba, L. V. Experiments of the linguistic interpretation of poems: "Pine" by Lermontov in comparison with its German prototype. *Shcherba, L. V. Selected works on the Russian language*. Moscow, 1957. P. 97–109. (In Russ.)